

«БУКВАЛИЗМ» И «ВОЛЬНОСТЬ» КАК ОСНОВНАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

Е. В. Гарусова

Тверской государственный университет

В данной статье рассматриваются две основные переводческие тенденции «буквализм» и «вольность» перевода, в какие эпохи преобладала та или иная тенденция и как это отразилось на самом переводе как результате переводческой деятельности. Переводческая оппозиция «буквализм» и «вольность» рассматривается исторически.

Тенденции буквального и вольного перевода исторически сменяли друг друга, причем буквализм или вольность перевода во многом зависят от жанра оригинала. Существуют жанры, в рамках которых возможен только буквальный перевод: официальные документы, анкеты, деловая переписка и т.д., иначе жанровые требования нарушаются; преимущественно буквально переводятся сакральные тексты.

Еще переводчики античного мира обсуждали вопрос о степени близости перевода к оригиналу. В ранних переводах Библии преобладало буквальное копирование оригинала. В то время считалось, что перевод должен быть только буквальным и переводчик должен всегда следовать оригиналу. Такое буквальное копирование оригинала приводило порой к неясности или непониманию перевода, что, конечно же, является существенным недостатком, значительно снижающим качество перевода.

Позднее некоторые переводчики пытались теоретически обосновать право переводчика на большую свободу в отношении оригинала, необходимость воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление от оригинала. Уже в этих первых высказываниях о том, какие цели должен преследовать переводчик, можно найти начало теоретических споров нашего времени о приемлемости буквального или вольного перевода [4, 256]. Ещё во времена становления Римской империи римские авторы «переписывали» греческие тексты, подвергая их значительным изменениям и адаптируя их так, как считали нужным. Однако позднее, в эпоху патристики в центр переводческих проблем выдвигается проблема «эквивалентности», так как переводились в основном религиозные тексты [16, 14]. Цицерон переводил на латинский речи греческих авторов следующим образом:

переводил эти тексты не как переводчик, а как автор, сохраняя идеи и формы, но на языке, который был бы понятен моим читателям (студентам). При этом я не переводил каждое слово, а сохранял общий стиль и игру языка» (цит. по [16, 14]).

Святой Иероним (St. Jerome) — самый знаменитый из всех переводчиков своей эпохи, описывает свою стратегию при переводе с греческого Ветхого Завета следующим образом: «при переводе с греческого я перевожу не дословно, а передаю смысл» (цит. по [13, 20]). В дальнейшем в переводе также разделяли эти две тенденции: дословный или буквальный перевод (word-for-word) и вольный перевод (sense-for-sense). Иероним считал, что переводить дословно невозможно, так как столь близкое следование букве оригинала приводит к абсурдным переводам, искажающим смысл оригинала. Если переводить, ориентируясь на передачу смысла (sense-for-sense), то содержание оригинала не будет искажено.

Е. Ханг и Д. Поллард используют понятия «буквальный» (word-for-word) и «вольный перевод» (sense-for-sense) для описания китайской переводческой традиции при переводе текстов с санскрита. В течение так называемой первой фазы (династия Хан) делались в основном дословные переводы, очень точно передавался синтаксис оригинала. Основной тенденцией этого времени была транслитерация, а в результате переводы были совершенно непонятны читателям, не имеющим теологического образования. На второй фазе доминировала обратная тенденция: тенденция вольного перевода — текст оригинала «полировался» переводчиком для придания ему большей художественности. В результате такой обработки перевод и оригинал сильно отличались друг от друга. На третьей фазе (династия Танг) много внимания уделялось стилю оригинала, и использовался как вольный, так и буквальный перевод в зависимости от типа текста [11, 368]. Таким образом, «буква-

лизм» и «вольность» как проявление основных переводческих позиций были характерны не только для европейской, но и для восточной культуры, что позволяет трактовать эту базовую оппозицию как переводческую универсалию.

В западном обществе вопросы буквального и вольного перевода в течение 1000 лет после святого Иеронима были неразрывно связаны с переводом Библии и других религиозных и философских текстов. Римская католическая церковь требовала от переводчиков передачи «правильного» — санкционированного церковью смысла. Любой перевод, отклоняющийся от общепринятой «правильной» интерпретации считался еретическим и подвергался цензуре или запрещался. Такие переводы считались преступлениями против церкви [13, 22].

Тенденция ориентироваться на оригинал при переводе описывалась как «точность» перевода («accuracy») или «верность» («faithfulness»). Однако само это понятие со временем несколько изменилось. В античности под термином «верный переводчик» подразумевалось абсолютное следование каждому слову оригинала, то есть «дословный перевод».

В XV в. в Европе на первый план выходит тенденция адаптации или «одомашнивания» («domestication») перевода, то есть ассимилирование или адаптация иноязычного текста к лингвистическим и культурным ценностям принимающей культуры. С течением времени эта тенденция становилась все более доминирующей. В XVI в. стало модно переводить светские тексты, «улучшая» их «в угоду просвещенной публике». При этом убиралась или редактировались все отрывки оригинала, не устраивающие переводчика. Например, в переводах Шекспира на французский язык допускались изменения не только сюжета, композиции, но и имен и мест действия, которые становились французскими [2, 5]. При этом переводчик занимает позицию адаптации оригинала своей культуры. Однако существует и противоположная данной переводческой позиции, связанная со стремлением переводчика передать и показать национальное своеобразие подлинника, передать его «национальный дух», познакомить читателя с иной, новой для него культурной ситуацией.

Только к XVII в. «верность» перевода перестали понимать как буквальный перевод каждого слова оригинала и стали рассматривать как максимально возможную передачу смысла оригинала. Однако была распространена и противоположная тенденция. В XVII в. в Англии делались в основном

вольные переводы греческой и латинской классики. Метод перевода, преобладавший в эту эпоху, был назван термином «имитация» [7, 151]. Цель переводчика состоит не в том, чтобы превзойти автора оригинала, а в том, чтобы передать «дух» оригинала в переводе (его энергию и вдохновение автора). Такой подход к переводу можно считать предпосылкой теории Д. Драйдена, который проследил английскую традицию перевода поэзии и сформулировал основные переводческие тенденции. Себя Д. Драйден считал приверженцем вольного перевода или так называемого «парафраз», цель которого состоит в передаче смысла текста.

Д. Драйден выделил три вида перевода:

1. Метафраз — буквальный или дословный перевод, которые можно признать переводческой позицией;

2. Парафраз — переводчик следит не за передачей отдельных слов, а за передачей смысла. При этом допускаются различные изменения по сравнению с оригиналом, главное — передача смысла (sense-for-sense), основных идей, однако переводчик не следует за каждым словом автора;

3. Имитация — «переводчик забывает и про слова, и про смысл», это по сути является адаптацией. Переводчик берет из оригинала только идею текста. Имитация — это попытка переводчика, живущего в более позднюю эпоху, писать так, как писал бы на ту же тему автор, живший до него, т.е., не переводить дословно и не передавать все авторские смыслы, а писать так, как писал бы автор, если бы он был современником переводчика.

Д. Драйден критикует переводчиков, которые используют в качестве своей стратегии метафраз, и считает дословный перевод недопустимым, так как этот вид перевода затрудняет понимание текста читателем. По мнению Д. Драйдена, имитация — это использование текста оригинала в качестве образца для создания своего. Переводчик пытается писать так, как писал бы автор, если бы жил в эту эпоху и в этой стране [10, 18]. Тем не менее, Д. Драйден советует избегать при переводе и метафразы и имитации, а самым оптимальным видом перевода считает парафраз. Если структурные различия между языками сильно осложняют работу переводчика, то он может изменить форму, но оставить без изменений суть, т.е. использовать парафраз. Однако при переводе «Энеиды» Вергилия Д. Драйден скорее использует имитацию, чем парафраз, так как, по его словам, он пытался перевести так, чтобы «Вергилий говорил на таком английском, как если бы он родился в Англии в современную эпоху».

В дальнейшем многие переводчики снова пытались сформулировать принципы перевода, еще не на научной, а на эмпирической основе, среди них был Э. Доле. Пытаясь определить требования к переводу и деятельности переводчика, Э. Доле сформулировал следующие принципы:

1. Переводчик должен очень хорошо понимать смысл оригинала, однако переводчик может также объяснять то, что по его мнению будет непонятно читателям;

2. Переводчик должен прекрасно знать язык оригинала и язык перевода;

3. Переводчик должен избегать дословного перевода;

4. Переводчик должен избегать необычных форм;

5. Переводчик должен обладать красноречием, текст перевода должен быть естественным [9, 14].

С требованиями к переводу, разработанными Э. Доле, перекликаются «правила перевода», выдвинутые А. Тайтлером в конце XVIII в. [15, 15]:

— Переводчик должен полностью передать смысл и идеи оригинала;

— Стиль и манера письма в переводе должна совпадать со стилем оригинала;

— Переводчик должен быть таким же естественным и легким для восприятия, как и автор оригинала.

А. Тайтлер считал, что «хороший перевод производит на читателей равнозначный коммуникативный эффект, с помощью которого можно преодолевать различия между языками и культурами». Соглашаясь с Д. Драйденом, А. Тайтлер рекомендует переводчикам использовать «парафраз», так как этот перевод имитирует идеи и стиль иноязычного текста, однако при этом текст не выглядит явно переведенным.

Следует отметить, что в XVIII в. основной тенденцией при переводе была передача «духа» оригинала, а в XIX в. основное внимание было направлено на обсуждение вопросов переводимости [13, 27]. Ф. Шлейермахер считал, что переводчик должен переводить на немецкий не так, как написал бы сам автор, если бы немецкий был его родным языком, а так, чтобы у читателя после прочтения возникло такое же впечатление, как у немецкого читателя от прочтения оригинала на родном языке [14, 42]. Ф. Шлейермахер считал перевод способом совершенствования и улучшения принимающей культуры и языка и даже способом формирования языка, если перевод с немецкого языка звучит как немецкий текст. Чтобы до-

биться такого результата, переводчик должен ориентироваться, прежде всего, на язык оригинала и на содержание текста оригинала. Чем точнее переводчик передает обороты и нормы языка оригинала, тем более «иностранным» этот текст будет казаться читателю. Ф. Шлейермахер выдвинул идею «иностранизации» (foreignising) текста перевода. При этом читатель перевода максимально приближается к читателю оригинала, например, читатель перевода с немецкого должен чувствовать, что он читает именно немецкий текст. Иногда на иностранный язык переводятся целые литературы, однако это возможно, только если читатели «настроены» на восприятие иностранного текста и если в этой культуре есть потребность в переводной литературе. Однако в ту же самую эпоху (XIX в.) в Британии считалось, что перевод никогда не сможет не только превзойти оригинал, но и «достичь высоты оригинала», поэтому всегда предпочтительнее читать произведение в оригинале, а не в переводе [8, 69—70].

Следует отметить, что сменяющие друг друга переводческие тенденции можно суммировать следующим образом: сначала существовала оппозиция «буквальный/вольный» перевод, предложенная Св. Иеронимом при переводе Библии на латинский язык. Св. Иероним также говорил о «духе» перевода, имея в виду «боговдохновенность» текста. Затем в XVII в. Д. Драйден предложил триаду (парафраз, метафраз, имитация), что ознаменовало попытки дать более систематическое и четкое определение тенденций перевода. Требование Ф. Шлейермахера ориентироваться при переводе на язык и текст оригинала до сих пор учитывается многими лингвистами и профессиональными переводчиками и означает ориентацию на исходную культуру [13, 33].

В России многие ученые и писатели занимались проблемой буквального и вольного перевода (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. А. Фет, Н. М. Карамзин). Проблема буквального и вольного перевода рассматривалась многими учеными от античности до наших дней и до сих пор остается актуальной и интересной (А. В. Федоров, А. Д. Швейцер).

Все крупнейшие русские литераторы XVIII в. в той или иной степени были связаны с переводами, более того, как правило, с перевода начиналась их литературная деятельность, поскольку переводной текст авторитетного автора передающей культуры легче входил в культуру, чем собственное сочинение.

В то время формировалась русская литература, и формировалась она, в том числе, через перевод, через заимствование сюжетов, способов текстопостроения. Поэтому писатели часто начинали свою деятельность с перевода и пытались теоретически обосновать большую свободу переводчика. Эти точки зрения можно отнести к «дотеоретическому периоду», так как теория перевода как таковая в тот момент еще не сформировалась. Это такие писатели и поэты, как В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, А. П. Сумароков, В. В. Капнист, Г. Р. Державин, А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский. В. К. Тредиаковский писал, что «переводчик от творца только именем разнится», то есть роль переводчика приравнивается к роли оригинального писателя. Здесь подразумевается не стремление достичь творческой созвучности с автором подлинника, а стремление соревноваться с ним, превзойти его, сделать лучше, чем он, сделать текст интересным собственной культуре, что свойственно переводам того времени. По мнению В. Тредиаковского, при переводе действует принцип: «Если творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть» [5, 493], тем самым задается одна из ведущих переводческих позиций XIX в. — адаптационная позиция.

И. Введенский, занимавшийся переводом произведений Диккенса и Теккерея, допускал чрезвычайно вольное обращение с текстом подлинника: вплоть до внесения в него целых вставок «от себя», русификации деталей быта (то, что мы впоследствии, вслед за Б. Хохелом, назовем *адаптационной переводческой позицией*). И. Введенский в своих переводах нарочито старался быть замысловатее Диккенса и Теккерея [6, 98]. И это, скорее всего, не случайность и не переводческий недостаток, а проявление осознанной переводческой позиции, которая находит свое место в ряде переводов.

А. С. Пушкин считал, что выраженное автором оригинала должно быть перевыражено переводчиком. Н. В. Гоголь предлагал иногда отдаляться от слов подлинника для того, чтобы быть ближе к его духу [3, 241]. А. К. Толстой считал, что не следует переводить слова, и даже иногда смысл, а главное передать «впечатление», которое трудно определимо. Переводам в то время обычно предпосылались предисловия, в которых переводчик разъяснял свою переводческую позицию, поскольку каждый переводчик преследовал определенную цель, которая редко могла быть описана в терминах эквивалентности. Позиция авторов-переводчиков

в условиях, когда культура носила кружковый характер, грамотных людей было немного, и читающей аудитории, как правило, были доступны и оригинал, и перевод, заключалась в том, чтобы на основе оригинала создать свое собственное «впечатление» [3, 242]. Соответствие перевода оригиналу не рассматривалось в качестве необходимого условия, перевод рассматривался изначально как вариативная деятельность. Можно предположить, что в то время как раз и возникло наибольшее многообразие вариантов перевода как следствие различных, явно выраженных переводческих позиций, связанных, прежде всего, с улучшающими тенденциями в переводе.

В настоящее время отношение к переводу неизбежно изменилось, поскольку распространение текстов культуры вышло за пределы узких кружков образованных людей и приобрело массовый характер. С другой стороны, в связи с расширением культурных контактов и уменьшением количества людей, читающих тексты в оригинале, перевод неизбежно стал выполнять в культуре функцию оригинала, заменять собой оригинал. Соответственно требование эквивалентности, или адекватности было одним из основных, в связи с чем это понятие становится одним из основных в теории перевода.

Однако оппозиция «буквальный — вольный» не всегда является продуктивной, так как она не описывает всего пространства переводческой деятельности, во многом определяемой культурными факторами, традиционно ограничиваясь обсуждением фактически *translatio*, т.е. соотношением буквализма и вольности, а в конечном итоге переводом как заменой текста на одном языке текстом на другом языке. Все прочее при этом называется «экстралингвистическими факторами», без учета того, что именно эти факторы и определяют характер перевода [1, 22].

Лингвисты и переводчики всегда осознавали противоречивый и неоднозначный характер перевода. Это и определяет его вариативность, множественность переводов одного и того же текста, выполненных с разных переводческих позиций, крайними точками которых являются трансляция (*translatio*) как точное воспроизведение элементов исходного текста, воплощение идеала «верного перевода» и традукция (*traductio*), то есть предельно свободное воспроизведение оригинального текста, доходящее до малоузнаваемого, скрытого заимствования, культурного переноса.

«Трансляция», соотносимая с буквальным переводом, преобладала при передаче сакральных текстов, и, возможно именно это, а также то, что нужно было получить точный эквивалент исходного текста, замещающий его в принимающей культуре, объясняет широкое распространение данного переводческого принципа в межкультурном взаимодействии. На соблюдении принципа настаивает отечественная лингвистическая теория перевода. *Translatio* регулирует лингвистические составляющие переводческого процесса, не слишком обращая внимания на другие существенные аспекты перевода. А. Лефевр, который ввел этот термин, отмечал, что *translatio* в принципе невозможно, поскольку обмен означаемыми в интеллектуальном вакууме, игнорирующем культурное, идеологическое и поэтическое содержимое обречен на провал [12, 3].

При переводе художественной литературы вплоть до XX в. повсеместно была распространена *traductio* (traductio), то есть культурный перенос. А. Лефевр считал *traductio* основным культурообразующим переводческим феноменом. *Traductio* придает равное значение как языковому, так и культурно-идеологическому компоненту перевода, который выступает на первый план в значимых текстах культуры. Вопрос, как переводить, связан с тем, с языка какой культуры осуществляется перевод и насколько эта культура авторитетна для принимающей культуры. *Traductio* за счет различного рода девиаций текста оригинала позволяла создавать собственную культуру без ссылки на авторитет предшествующей культуры, объявляя все эти тексты своими.

Термин «*traductio*» (*traductio*) шире, чем вольный перевод, поскольку он включает в свой объем такие, в сущности, переводческие явления, как заимствование жанра и его отдельных элементов, перенос в культуру способов текстопостроения, мотивов, архетипов. Поэтому оппозиция «*translatio/traductio*» представляется близкой, но более предпочтительной и емкой, чем оппозиция «буквальный / вольный».

А. Лефевр предлагает многоаспектный подход к переводческой деятельности, что само по себе объясняет многообразие переводов одного текста в культуре и тот факт, что эти переводы зачастую получаются совершенно разными по отношению друг к другу и к тексту оригинала: во-первых, текст

может быть переведен с разных позиций; во-вторых, если речь идет об адекватности, то она, скорее всего, определяется не только сугубо лингвистическими обстоятельствами, а адекватностью переводческого решения.

Таким образом, в рамках деятельностной теории перевода допускается и объясняется возможность появления и равноправного существования в принимающей культуре нескольких вариантов перевода текста оригинала за счет различных интерпретаций переводчиками текста оригинала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галеева Н.Л. Дихотомии перевода // Язык и его функционирование. Межкультурная коммуникация. Межвуз. сб. науч. тр. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. — С. 17—24.
2. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. — 79 с.
3. Русские писатели о художественном переводе. — М.: Мысль, 1960. — 255 с.
4. Семенец О.Е., Панасьев А.Н. История перевода. — Киев: Киевский гос. ун-т, 1989. — 292 с.
5. Тредиаковский В.К. Сочинения. — М.: Наука, 1849. — 649 с.
6. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. — Л.: Сов. писатель, 1983. — 352 с.
7. Amos F.R. Early theories of translation. — N. Y.: Octagon, 1920 / 1973. — 230 p.
8. Bassnett S. Translation studies. — N. Y.; L.: Routledge, 1991. — 260 p.
9. Dolet E. La maniere de bien traduire d'une langue en aultre translated by D. G. Ross "How to translate well from one language into another. — Paris: Marnet, 1540 / 1997. — P. 95—97.
10. Dryden J. Metaphrase, paraphrase and imitation // R. Schulte, J. Birguset // Theories of translation. — Chicago: Chicago Press, 1992. — P. 17—31.
11. Hung E., Pollard D. The Chinese tradition / M. Baker // The Routledge Encyclopedia of translation studies. — L & N. Y.: Routledge, 1997. — P. 365—374.
12. Lefevere A., Bassnett S. Introduction. Where are we in translation studies / S. Bassnett, A. Lefevere // Constructing cultures: Essays on literary translation. — Clevedon: Cromwell Press, 1998. — P. 1—11.
13. Munday J. Introducing translation studies. Theories and applications. — N. Y.; L.: Routledge, 2001. — 245 p.
14. Schleiermacher F. On the different methods of translating / R. Schulte, J. Birguset // Theories of translation. — Chicago: Chicago Press, 1992. — P. 36—54.
15. Tytler A.F. Essay on the principles of translation. — Edinburgh: Cadell, 1997. — 252 p.
16. Venuti L. The translation studies reader. — N. Y.; L.: Routledge, 2004. — 541 p.